

Оноре де Бальзак

Силуэт женщины

Посвящается Джованни Карло ди Негро[1]

Маркиза де Листомэр[2] — молодая женщина, воспитанная в духе Реставрации. У нее твердые принципы, она постится, говеет и тем не менее любит наряжаться, выезжает на балы, в Итальянский театр, в Оперу. Ее духовник позволяет ей сочетать мирское с небесным. Она всегда пребывает в полном согласии и с церковью и с правилами светского общества, — словом, является олицетворением современности, взявшей в качестве девиза слово «законность». В поведении маркизы де Листомэр сказывается столько набожности, что в случае появления новой г-жи де Ментенон[3] она могла бы приблизиться к мрачному благочестию последних дней царствования Людовика XIV, и в то же время в ней вполне достаточно суетности, которая могла бы соответствовать галантным нравам первых дней этого царствования, если бы они воскресли. Сейчас она добродетельна из расчета, а может быть, и по склонности. Будучи уже в течение семи лет замужем за маркизом де Листомэром, одним из депутатов, ожидающих звания пэра, она, вероятно, полагает, что своим поведением способствует честолюбивым замыслам семьи. Окончательное суждение о ней некоторые женщины откладывают до того времени, когда маркиз де Листомэр станет пэром, а ей исполнится тридцать шесть лет, — возраст, когда большинство женщин начинает убеждаться, что они были обмануты общественными законами. Маркиз — человек довольно незначительный: он на хорошем счету при дворе, его достоинства, как и его недостатки, ничтожны; первые не придают ему ореола добродетели, вторые не создают вокруг него шумихи, этой спутницы пороков. Будучи депутатом, он никогда не выступает; зато голосует он благонамеренно. В супружеской жизни он ведет себя так же, как и в палате, а потому слышит за одного из самых образцовых супругов во всей Франции. Ему не свойственно приходить в восторг, но он и не брюзжит, — только бы не досаждали ему. Друзья прозвали его «пасмурною погодой». Действительно, он не бывает ни слишком радостен, ни слишком мрачен. Он похож на всех министров, чередовавшихся во Франции со времени Хартии[4]. Женщине с твердыми житейскими правилами трудно было попасть в лучшие руки. Разве для добродетельной женщины не значит достичь уже многого, выйдя замуж за человека, не способного на легкомыслие? Находились глупцы, осмеливавшиеся во время танца слегка пожать маркизе руку; ответом бывал лишь презрительный взгляд, и всякий ощущал то оскорбительное равнодушие, которое, подобно весенним заморозкам, губит побеги самых радужных надежд. Красавицы, остряки, фаты, повесы, носители древних или просто известных имен, люди высокого полета, люди незначительные — все близ нее тускнели. Она завоевала себе право, не подавая повода к злословию, беседовать так долго и так часто, как ей вздумается, с мужчинами, которые кажутся ей умными. Иные ветреные женщины готовы следовать этому плану в течение семи лет с тем, чтобы впоследствии удовлетворять свои капризы; но приписать такой расчет маркизе де Листомэр значило бы оклеветать ее. Я имел счастье видеть эту чудо-маркизу[5]. Она умеет вести беседу, я умею слушать. Я ей понравился и бываю на ее вечерах. Большого мне не надо. Г-жа де Листомэр ни урод, ни красавица; у нее белые зубы, яркий румянец и алые губы; она высокого роста, стройна; ножки у нее изящные и маленькие, но она не выставляет их напоказ; глаза у нее не тусклые, как у большинства парижан, а излучают мягкий свет, который чарует, если она невзначай оживится. Сквозь эту неопределенную внешность угадывается душа. Если маркиза увлечена

беседой, то из-под внешней сдержанности выступает скрытое в ней обаяние, и тогда она становится пленительной. Она не гонится за успехом, но пользуется им. Ведь всегда находишь то, чего не ищешь. Это замечание так часто оправдывает себя, что со временем станет поговоркой. Оно-то и будет моралью этого романтического происшествия, которое я не позволил бы себе рассказать, если бы отзвук его сейчас не звучал во всех парижских салонах.

Около месяца назад маркиза де Листомэр танцевала с молодым человеком столь же скромным, сколь ветреным, обладающим множеством достоинств, но обнаруживающим лишь свои недостатки; он страстен, но над страстями издевается; одарен, но одаренность свою скрывает; корчит ученого с аристократами и аристократа с учеными. Эжен де Растиньяк принадлежит к числу очень рассудительных молодых людей, пробующих свои силы на всем и словно прощупывающих настоящее, чтобы узнать, что сулит грядущее. Пока еще не пробил для него час честолубия, он над всем издевается; он изящен и оригинален — два редких свойства, ибо одно исключает другое. Он около получаса беседовал с маркизой де Листомэр, но не рассчитывал на успех. Пользуясь непринужденностью беседы, переходившей от оперы «Вильгельм Телль»[6] к вопросу об обязанностях женщин, он несколько раз поглядывал на маркизу так, словно хотел поцеловать ее; затем отошел от нее и уже за весь вечер не сказал с ней ни слова. Он танцевал, играл в экарте, оказался в небольшом проигрыше и отправился спать. Имею честь уверить вас, что все произошло именно так. Я ничего не преувеличиваю и ничего не преуменьшаю.

На следующее утро Растиньяк проснулся поздно и долго нежился в постели, предаваясь, несомненно, тем утренним грезам, в которых молодой человек мысленно проскальзывает, подобно сильфу, под шелковые, кашемировые или ситцевые пологи. В эти мгновения, чем глубже тело погружено в дрему, тем бодрее дух. Наконец Растиньяк встал, зевая умеренно, как благовоспитанный человек, позвонил слуге, приказал подать чай, выпил его очень много, что покажется вполне естественным любителям этого напитка; людям же, пьющим чай лишь как лекарство, я должен разъяснить, что Эжен в это же время писал письмо. Он сидел удобно и держал ноги не столько на меховом коврикe, сколько на каминной решетке. Как приятно, проснувшись и накинув халат, положить ноги на полированный железный прут, соединяющий двух грифов каминной решетки, и мечтать о любимой! Как я жалею, что у меня нет ни возлюбленной, ни камина, ни халата! Когда все это у меня будет, я о своих наблюдениях рассказывать не стану, а извлеку из них полезный урок.

На первое письмо Эжен потратил каких-нибудь четверть часа; он сложил его, запечатал и, не надписав адреса, положил возле себя. Второе, начатое в одиннадцать часов, было окончено только к полудню. Все четыре страницы его были исписаны.

«Эта женщина не выходит у меня из головы», — думал он, запечатывая второе послание; он положил его около себя, рассчитывая, по-видимому, надписать адрес, когда очнется от грез. Запахнув полы узорного халата, он спустил ноги на скамеечку, засунул руки в кармашки красных кашемировых панталон и развалился в удобном мягком кресле с подушками, сиденье которого образовало со спинкой угол в сто двадцать градусов. Он перестал пить чай и сидел неподвижно, устремив взор на позолоченную ручку угольного совка, не видя ни совка, ни ручки, ни позолоты. Он даже не помешивал угли в камине. Какая оплошность! Разве не наслаждение разгребать жар, мечтая о женщинах? Наша мысль ссужает словами голубые язычки пламени, которые, вдруг полыхнув, лепечут в очаге. Толкуешь выразительный и резкий язык бургундцев.

На этом слове задержимся и приведем несведущим людям пояснение одного весьма почтенного этимолога, пожелавшего остаться неизвестным. Бургундец — народное, условное наименование, данное со времен царствования Карла VI[7] тем трескучим вспышкам пламени, которые выбрасывают на ковер или на одежду угольки, зародыш пожара. Огонь, говорят, высвобождает воздушный пузырек, оставленный в сердцевине дерева древесным

червем. *Inde amor, inde burgundus*[8]. Боязливо наблюдаешь, как подобно лавине, скатываются угли, которые были так старательно уложены между двумя горящими поленьями. О! помешивать угли в камине, когда ты влюблен, — разве это не значит облекать свои мысли в изменчивые образы?

Именно в эту минуту я вошел к Эжену. Он вскочил и воскликнул:

— А, вот и ты, дорогой Орас! Давно ты здесь?

— Только что вошел!

— А!

Растиньяк взял письма, надписал на них адреса и позвонил слуге:

— Отнеси это в город.

Жозеф молча отправился. Превосходный слуга!

Мы завели разговор о Морейской экспедиции[9], в которой я намеревался принять участие в качестве врача. Эжен заметил мне, что я многое потеряю, уехав из Парижа, и мы заговорили о безразличных вещах. Думаю, что на меня не посетуют, если я опущу наш разговор. . . .

Около двух часов дня, когда маркиза де Листомэр встала, горничная Каролина подала ей письмо. Маркиза принялась читать его, пока Каролина ее причесывала. (Неосторожность, свойственная многим молодым женщинам!)

«О дорогой, ненаглядный ангел мой, источник жизни и счастья!» Прочитав эти слова, маркиза хотела было бросить письмо в огонь, но ей пришла в голову прихоть, которую всякая добродетельная женщина прекрасно поймет, — узнать, как же закончит мужчина письмо, начатое в таком тоне. Она продолжала читать. Дойдя до четвертой страницы, она, словно утомившись, опустила руки.

— Каролина, пойдите узнайте, кто принес это письмо.

— Сударыня, я приняла его сама от слуги барона де Растиньяка.

Наступило длительное молчание.

— Не угодно ли одеваться?

— Нет.

«Какой нахал!» — подумала маркиза. . . .

Я прошу всех женщин самим сделать комментарии.

Комментарии г-жи де Листомэр закончились тем, что она твердо решила не принимать больше Эжена де Растиньяка, а если встретит его в свете, показать ему более чем презрение, ибо его дерзость была несравнима с тем, что маркизе до сей поры случалось прощать. Первым ее побуждением было сохранить письмо, но, обдумав, она сожгла его.

— Барыня сейчас получила потрясающее любовное письмо и прочла его! — сообщила Каролина ключнице.

— Вот уж этого я от барыни никак не ожидала, — воскликнула изумленная ключница.

Вечером маркиза де Листомэр отправилась к виконтессе де Боссеан, куда, по всей

вероятности, должен был приехать и Растиньяк. Это было в субботу, в приемный день виконтессы. Виконтесса находилась в дальнем родстве с г-ном де Растиньяком, и молодой человек не преминет, конечно, посетить ее. Г-жа де Листомэр, приехавшая затем, чтобы уничтожить Эжена своей холодностью, прождала его понапрасну до двух часов ночи. Один очень умный человек, Стендаль, создал оригинальную теорию «кристаллизации»[10] — и она вполне применима к той работе мысли, которая совершалась в маркизе до, во время и после этого вечера.

Четыре дня спустя Эжен бранил своего слугу:

— Вот что, Жозеф, мне придется дать тебе расчет голубчик.

— Почему, сударь?

— Ты делаешь одни глупости. Куда ты отнес те два письма, которые я дал тебе в пятницу?

Жозеф остолбенел; он замер, как статуя в портале собора, и напряг всю свою память. Вдруг он глупо ухмыльнулся и ответил:

— Сударь, одно я отнес маркизе де Листомэр, на улицу Сен-Доминик, другое вашему поверенному.

— Ты уверен в этом?

Жозеф пришел в совершенное замешательство. Случайно присутствуя при этом, я решил, что мне пора вмешаться.

— Жозеф прав, — сказал я.

Эжен повернулся ко мне.

— Я невольно прочел адреса и...

— И что же? — воскликнул Эжен. — Одно из писем было адресовано госпоже де Нусинген.

— Нет, черт возьми! Я даже подумал, мой милый, что твое сердце перекечвало с улицы Сен-Лазар на улицу Сен-Доминик.

Эжен хлопнул себя ладонью по лбу и усмехнулся. Жозеф сразу понял, что ошибка произошла не по его вине.

А вот и выводы, над которыми все молодые люди должны бы призадуматься. Ошибка первая: Эжену показалось забавным насмешить г-жу Листомэр недоразумением, сделавшим ее обладательницей письма, которое предназначалось не ей. Ошибка вторая: он отправился к маркизе де Листомэр лишь спустя четыре дня после происшествия, дав, таким образом, возможность мыслям этой добродетельной женщины кристаллизоваться. Можно найти тут и еще десяток промахов, но о них лучше умолчать, чтобы предоставить дамам удовольствие объяснить их *ex professo*[11] тем, которые не поняли их сами. Эжен подъезжает к дому Листомэров, но привратник останавливает его, говоря, что маркизы нет дома. Он уже снова садится в экипаж, но тут как раз подходит маркиз.

— Идемте к нам, Эжен; жена у себя.

Не осуждайте маркиза! Ведь как бы хорош ни был муж, он редко достигает совершенства. Только поднимаясь по лестнице, Растиньяк осознал те десять ошибок против светской логики, которые он сделал на этой странице чудесной книги своей жизни. Когда г-жа де Листомэр увидела Эжена, входившего с ее мужем, она невольно покраснела. Молодой

человек заметил этот внезапный румянец. Если даже самый скромный мужчина не лишен некоторого налета самовлюбленности, как женщина — роковой кокетливости, то кто же осудит Эжена за то, что он подумал: «Как, и эта крепость взята?» Он приосанился. Молодым людям не свойственна алчность, но все же они никогда не отказываются от трофеев.

Господин де Листомэр взял «Газетт де Франс», которую заметил на камине, и удалился к окну, чтобы при содействии журналиста выработать собственное мнение о положении дел во Франции. Женщина, даже самая застенчивая, умеет быстро выйти из любого затруднительного положения; кажется, будто у нее всегда под рукой фиговый листок, данный ей нашею праmaterью Евой. Когда Эжен, истолковав в свою пользу нежелание принять его, довольно развязно поклонился маркизе, она уже успела скрыть свои мысли за одной из тех женских улыбок, которые еще загадочнее, чем слово короля.

— Вы были нездоровы, сударыня? Мне сказали, что вы не принимаете.

— Нет, сударь.

— Может быть, вы собирались из дому?

— Тоже нет.

— Вы ждали кого-нибудь?

— Никого.

— Если мой визит некстати, вините в этом только маркиза. Я повиновался вашему таинственному запрету, но он сам пригласил меня переступить порог святилища.

— Господин де Листомэр не был посвящен в мои дела. Иногда из осторожности не посвящаешь мужа в некоторые тайны...

Твердый и кроткий тон маркизы, внушительный взгляд, которым она окинула Растиньяка, зародили в нем мысль, что он, пожалуй, торжествует преждевременно.

— Сударыня, я понимаю вас, — сказал он, смеясь. — Значит, я должен вдвойне радоваться тому, что встретил маркиза: он предоставил мне случай оправдаться перед вами, что было бы рискованно, не будь вы воплощенной добротой.

Маркиза удивленно взглянула на барона, но ответила с достоинством:

— Сударь, лучшим извинением для вас было бы молчание. Что же касается меня, то обещаю вам полное забвение. Такое великодушие вы вряд ли заслужили.

— Сударыня, — живо возразил Растиньяк, — прощение излишне там, где нет оскорбления! Письмо, — добавил он, понизив голос, — полученное вами и показавшееся вам столь неприличным, предназначалось не вам.

Маркиза не могла сдержать улыбки, так ей хотелось быть оскорбленной.

— Зачем лгать, — сказала она снисходительно-насмешливым тоном, но довольно мягко. — Теперь, когда я вас пожурила, я охотно посмеюсь над этой уловкой, не лишенной коварства. Я знаю, есть простушки, которые легко попались бы на эту удочку. «Боже мой! как он влюблен!» решили бы они. — Маркиза принужденно засмеялась и добавила снисходительно. — Если вы хотите, чтобы мы остались друзьями, не будем говорить об «ошибках»; меня так легко не проведешь.

— Но даю вам слово, сударыня, вы заблуждаетесь гораздо сильнее, чем думаете, — живо

возразил Эжен.

— О чем вы там толкуете? — спросил г-н де Листомэр, который прислушивался к разговору, но никак не мог проникнуть в его туманную сущность.

— Да вам это неинтересно, — ответила маркиза.

Господин де Листомэр спокойно продолжал читать, потом сказал:

— Ах! госпожа де Морсоф скончалась. Ваш бедный брат, по всей вероятности, находится в Клошгурде.

— Понимаете ли вы, сударь, что вы сказали мне дерзость? — проговорила маркиза, обращаясь к Эжену.

— Если бы я не знал строгости ваших житейских правил, — наивно ответил он, — то подумал бы, что вы или хотите приписать мне мысли, которые я решительно отрицаю, или задумали вырвать у меня мою тайну. А может быть, вы желаете посмеяться надо мной?

Маркиза улыбнулась. Эта улыбка вывела Эжена из себя.

— Я был бы счастлив, сударыня, если бы вы и в дальнейшем продолжали верить в это «оскорбление», хоть я в нем и неповинен. Надеюсь, что случай не даст вам возможности встретиться в свете ту, которой было адресовано это письмо.

— Как! неужели это все еще госпожа де Нусинген? — воскликнула маркиза де Листомэр, движимая таким любопытством узнать тайну, что оно заглушило в ней желание отомстить молодому человеку за его колкость.

Эжен покраснел. В двадцать пять лет еще краснеешь, когда тебе вменяют в вину верность, над которой женщины смеются, чтобы скрыть, как они ей завидуют. Однако Растиньяк ответил довольно сдержанно:

— А почему бы и нет, сударыня?

Вот какие ошибки мы совершаем в двадцать пять лет! Это признание причинило г-же де Листомэр сильнейшее душевное волнение; но Эжен еще не умел читать по женскому лицу, взглянув на него искоса или вскользь. Губы маркизы побелели. Она позвонила и приказала принести дров, давая этим понять Растиньяку, что ему пора уходить.

— Если все это так, — задерживая Эжена, холодно и чопорно сказала она, — то как объясните вы, сударь, почему на конверте вы поставили мое имя? Ведь ошибиться адресом на письме не так легко, как, уезжая с бала, взять по рассеянности чужой цилиндр.

Эжен смущенно и вместе с тем дерзко взглянул на маркизу; он чувствовал, что становится смешон, и, пробормотав какую-то мальчишескую фразу, вышел.

Несколько дней спустя маркиза убедилась, что Эжен говорил правду. Вот уже шестнадцать дней, как она не выезжает в свет.

На все вопросы о причине этого затворничества маркиз отвечает: «У моей жены гастрит».

Но я лечу ее, мне известна ее тайна; я знаю, что у нее лишь легкое нервное расстройство, которым она и воспользовалась, чтобы не выезжать.

Париж, февраль 1830 г.

Примечания

Рассказ впервые опубликован 12 марта 1830 г. в газете «Мод» за подписью «Сочинитель «Физиологии брака». В этом варианте герои рассказа носили имена Эрнест де М*** и графиня ***.

В июне — июле 1832 года Бальзак задумывает цикл «Силуэт женщин», призванный служить как бы продолжением первого «Силуэта», однако этот замысел остался неосуществленным, поскольку Бальзак начал работу над произведением гораздо более обширным — «Этюдами о нравах XIX века». В 1835 году в часть этого большого цикла, получившую название «Сцены парижской жизни», Бальзак включает «Силуэт женщины» под названием «Профиль маркизы»; здесь, как и в окончательном варианте, герои уже зовутся маркиза де Листомэр и Растиньяк. Наконец, в шестнадцатитомном издании «Человеческой комедии», опубликованном в 1842—1846 гг. (так называемом издании Фюрна), «Силуэт женщины» вновь обрел первоначальное название и занял место среди других «Сцен частной жизни».

1

Негро Джованни Карло, маркиз ди (1779—1857) — знатный генуэзец, с которым Бальзак познакомился во время своего путешествия по Италии (1837—1838), «гостеприимный покровитель всех странствующих талантов», по выражению Бальзака.

2

Маркиза де Листомэр — персонаж одиннадцати произведений «Человеческой комедии».

3

Ментенон (урожд. д'Обинье) Франсуаза, маркиза де (1635—1719) — фаворитка и (после 1683 г.) морганатическая жена Людовика XIV; насаждала при французском дворе аскетическую религиозность.

4

Хартия — закон, «пожалованный» Людовиком XVIII французам в июне 1814 г., в начале первой Реставрации Бурбонов; Хартия установила во Франции конституционную монархию.

5

Я имел счастье видеть эту чудо-маркизу. — Повествование ведется от имени знаменитого врача Ораса Бьяншона, персонажа двадцати девяти произведений «Человеческой комедии».

6

«Вильгельм Телль» — опера Дж. Россини, поставленная в Париже 3 августа 1829 года. Впрочем, это еще не означает, что действие рассказа происходит не ранее 1829 г.; из дальнейшего выясняется, что одновременно умерла госпожа де Морсоф (а это, согласно хронологии «Человеческой комедии», случилось в 1820 г.) и началась Морейская экспедиция, а это произошло в 1828 г.

7

Карл VI (1368—1422) — французский король с 1380 года.

8

Где любовь, там и бургундец (лат.).

9

...о Морейской экспедиции... — В 1824—1827 гг. в Морее (старинное название греческого полуострова Пелопоннес) происходили сражения между греческими повстанцами, боровшимися за национальную независимость, и турецко-египетской армией под командованием Ибрагим-паши; в 1828 г. на помощь грекам были посланы французские войска под командованием маршала Мэзона, которые после двухлетней борьбы заставили турок освободить полуостров.

10

Один очень умный человек, Стендаль, создал... теорию «кристаллизации»... — Эту теорию Стендаль изложил в книге «О любви» (1822): «Дайте поработать уму влюбленного в течение

двадцати четырех часов, и вот что вы увидите: в соляных копиях Зальцбурга, в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать. То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами» (Стендаль. О любви. Новеллы. М., 1989. С. 23). Бальзак познакомился со Стендалем (наст. имя и фам. Анри Мари Бейль; 1783—1842) около 1830 г. в салоне художника Жерара. Писателей связывала взаимная симпатия; Бальзак посвятил творчеству Стендаля восторженную статью в своем журнале «Ревю Паризьен» (25 июля 1840); Стендаль очень высоко оценил творчество Бальзака в «Записках туриста» (1838), хотя и высказал некоторые претензии в отношении его манеры повествования: «Как я люблю этого автора! С какой полнотой он сумел изобразить все невзгоды и все убожество провинциальной жизни. Я предпочел бы более простой стиль, но в таком случае покупались ли бы его книги в провинции? Я полагаю, что он пишет свои романы в два приема: сначала вполне вразумительно, а потом разукрашивает свой стиль неологизмами: «треволнения души» или «снег падает в моем сердце» и тому подобные красоты» (Стендаль. Собр. соч. в 15 тт. М.-Л., 1950. Т. XIII. С. 41).

11

Со знанием дела (

лат.).